

DOI 10.24412/2076-8176-2025-1-64-67

Изначальная доброжелательность

В.И. Полтев

Автономный университет Пуэбла, Пуэбла-де-Сарагоса, Мексика; vipov@mail.ru

Валерий Иванович Полтев — биофизик, д. ф.-м. н., выпускник кафедры биофизики физфака МГУ. Автор вспоминает о первых лекциях С.Э. Шноля на кафедре биофизики и об их эволюции в течение первых нескольких лет. Впоследствии В.И. Полтев работал в Институте биологической физики в Пущино, и поддержка С.Э. Шноля в этот период помогла автору сохранить интересовавшее его направление исследований. На семинарах и заседаниях Ученого совета С.Э. Шноль, как никто другой, вникал в содержание докладываемых работ, ухватывал их суть и мог представить чужую работу и показать, насколько она красива и интересна — иногда лучше, чем сам докладчик. В.И. Полтев также вспоминает о Л.А. Блюменфельде и о той доброжелательности, которая была общей для них с С.Э. Шнолем.

Ключевые слова: кафедра биофизики физфака МГУ, введение в биохимию, Л.А. Блюменфельд, Институт биологической физики

Валерий Иванович любезно согласился поделиться со мной своими воспоминаниями в онлайн-беседе, состоявшейся 24 февраля 2023 г. Расшифрованная и отредактированная запись нашей беседы была в дальнейшем исправлена им и в таком виде публикуется здесь.

В.В. Птушенко

Симона Эльевича Шноля я знаю как студент кафедры биофизики, затем — как аспирант Блюменфельда на кафедре, и потом в Пущине — как одного из ведущих ученых Института биологической физики АН СССР (затем Института теоретической и экспериментальной биофизики РАН). Всегда готового прийти на помочь, если надо. Умеющего доброжелательно и даже с энтузиазмом представить и разъяснить чужую работу.

Я помню, как он только что пришел с Блюменфельдом на физфак. Мы уже один семестр были биофизиками. То есть кафедры еще не было, как бы не было еще на физфаке биофизиков, но мы уже существовали — один семестр уже проучились.

Это был второй призыв. От первого призыва биофизиков (из тех, с кем я иногда встречаюсь лично или заочно) остались Ванин и Гурский. А от нашего, второго призыва из 12 человек сейчас остались Владимир Туманян, Вадим Брусков и Татьяна Преображенская¹. Это был мой четвертый курс, когда пришел Блюменфельд, пришел Шноль, пришел Корниенко. Сразу было понятно, что Шноль — человек не-заурядный, и не будь Шноля, непонятно, как бы Блюменфельд вытянул создание этой сначала специализации, а потом кафедры биофизики, с таким количеством выпускников, работающих теперь по всему миру. Но помню, как в первый раз пришел к нам Шноль лекции читать. Видно было, что человек — энтузиаст, что хочет что-то интересное нам рассказать, что хочет нас зажечь, но не получается! Потому что он не понимал, что мы, физики четвертого уже курса, химию, которую и знали раньше (тогда еще на первом курсе был курс химии, и даже экзамен мы сдавали), уже всю забыли. А он начинает нам рассказывать о ферментах, рисует что-то на доске. Мы на это смотрим... Он с воодушевлением рассказывает — вот эта группа перемещается сюда, вот сюда подходит вода. Мы успеваем сообразить, что H_2O — это, наверное, и есть вода... и больше ничего из сказанного понять не можем. Но, поскольку прерывать увлеченного человека неудобно, то — сидим, слушаем.

Интересная тогда была ситуация: всем интересна биофизика, конкурс на биофизику — страшный. Но откуда нам было знать структуру белков, аминокислот? Мы полгода на биофаке слушали курс общей биологии. По мне — так это была не «Общая биология», а «Избранные главы». Был практикум по биологии. Тогда на компьютере нельзя было ничего увидеть, и картинок цветастых тоже не было. Мы под микроскопом смотрели ткани, работали с мухами дрозофилами, которых тогда специально для нас завозили — их на биофаке не было, с ними не работали.

Потом Симон Эльевич еще, наверное, года два вспоминал с доброй усмешкой: «Вот сидит доктор Полтев (он тогда нас, студентов, докторами звал), он ходил к Блюменфельду на меня жаловаться». Мы вместе с Кукушкиным, Александром Константиновичем, тогда пошли к Блюменфельду и говорим: «Наверное, нам надо что-то такое дополнительно рассказать, чтобы мы могли Симона Эльевича понимать? Может, ему лучше изменить как-то план своих лекций?» Блюменфельд нас выслушал и пообещал: «Я с ним поговорю». И когда я уже учился на пятом курсе, Шноль читал лекции — и все было понятно, все слушали, раскрыв рот. Очень хорошие лекции были. Я два курса у него прослушал — «Введение в биохимию» и «Изотопные методы в биохимии».

Это было наше начальное образование. Очень здорово, что у нас был такой коллектив преподавателей. Кроме них, сначала почти ничего не было — была одна комната у кафедры, потом появилась еще одна. Но тем не менее мы учились, и немалое число студентов первых выпусков получили скоро какие-то существенные результаты в биофизике. Помню, был в то давнее время какой-то большой семинар, на котором кто-то из физхимиков, близких к биофизике (не могу вспомнить, кто именно), сказал, что биологов как-то можно научить физике, физика как-то можно научить биологии, а и тех, и других трудно научить химии. Мы, студенты-биофизики, слушавшие это, открыли рты — чего ж тут трудного?! И когда я был уже здесь, в Мексике, первые свои лекции (сначала это было «Введение в биофизику», потом

¹ К сожалению, за минувшие два года ушли из жизни чл.-корр. РАН Г.В. Гурский (1938—2023), Т.А. Преображенская (1939—2024) и В.И. Брусков (1939—2025). (Прим. В. Птушенко.)

«Введение в молекулярную биофизику») для студентов-физиков всегда начинал с этого: «Химия — это очень просто, это, как сказал классик, физика молекул (теперь можно добавить: квантовая физика, а биология — химия (значит физика) белков (теперь можем добавить: и нуклеиновых кислот)».

Позже, вплоть до 1990-х гг., я неоднократно видел, как Шноль — на семинаре или Ученом совете — мог представить чужую работу, показать, как она красива и интересна, мог сказать о ней иногда даже лучше, чем сам автор. Вот идет обсуждение представленной диссертации перед голосованием Ученого совета. Биофизика — настолько широкая, что никто всю ее объять не может. Кроме разве что Шноля. Он мог убедительно рассказать, как интересна диссертация. Причем он это делал, будучи не руководителем и не оппонентом, а всего лишь «рядовым» членом Ученого совета, просто по-настоящему вникая в работу. Не стеснялся пренебрегать формальностями: «Давайте дадим человеку не кандидатскую, а докторскую степень!» Начинались возражения: «Как же так, у него всего две публикации в местных журналах, и ничего больше...» — «Но у него такое новое направление, оно так интересно, а какое будет продолжение!» Кто-то слушал со скепсисом — мол, ведь есть же формальные критерии. А кто-то менял свое мнение. То же бывало и на семинарах: он умел ухватывать мысли и донести до других, с какими-то дополнительными нюансами, которые самому докладчику даже в голову не приходили. Он мог даже не сказать ничего нового, но высвечивал мысли, а дальше уже начиналось коллективное творчество. Этот же энтузиазм был, конечно, и в его рассказах о собственной работе, о «космофизических флуктуациях». И так же по-разному люди относились к его работе. Трудно ее понять и оценить. Но, наверное, что-то в этом все-таки есть. Уже позже я встречал что-то похожее на конференциях, причем без ссылок на Шноля.

Моих непосредственных контактов со Шнолем во время работы в Пущине было не так много. Мы работали в Институте в разных лабораториях, хотя иногда я бывал у него в лаборатории на семинарах. Иногда эти контакты бывали, когда требовалась помошь, совет или просто моральная поддержка. У него была какая-то изначальная доброжелательность. Такая же, даже более сильная, искренняя доброжелательность была характерна и для Блюменфельда. Я со Львом Александровичем плотно контактировал довольно долго — с 4-го курса я работал у него в лаборатории в Институте химической физики АН СССР, делал под его руководством дипломную работу, а потом был аспирантом и защищал кандидатскую диссертацию.

Вспомню только одну ситуацию, в которой я пришел к Шнолю за советом и помощью. Я работал тогда в лаборатории Александра Исааковича Китайгородского (у него была в Институте биофизики лаборатория биологической кристаллофизики, которой он заведовал на общественных началах). Но в какой-то момент он не смог уже уделять этому достаточно времени и от лаборатории отказался. Мне надо было думать, что делать дальше. И я пошел за советом и помощью к Шнолю. Он меня сразу же ободрил, сказал, что, если некуда будет деваться, он меня возьмет в свою лабораторию и даст возможность продолжать мою работу. Но посоветовал лучший вариант — к кому мне обратиться, чтобы продолжать дальше спокойно работать над теми вопросами, которые мне были интересны. И вот, имея такую запасную нишу, я спокойно пришел в лабораторию к Ажубу Ибрагимовичу Газиеву, где и проработал большую часть своей пущинской жизни, до отъезда в Мексику в конце 1990-х гг., и еще несколько лет после переезда туда на постоянную работу, два-три раза в год возвращаясь в Пущино для встреч с коллегами и завершения начатых работ.

Можно сказать, что я смог заниматься своим любимым делом и сформироваться таким, каким я собираюсь скоро закончить свой путь в науке, в том числе и благодаря тому, что два-три раза на этом пути повстречал С.Э. Шноля.

The benevolence a priori

VALERY I. POLTEV

Autonomous University of Puebla, Puebla, 72570 Mexico;
vipov@mail.ru

Valery Ivanovich Poltev is a biophysicist, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, and a graduate of the Department of Biophysics of the Faculty of Physics of Moscow State University. The author recalls S.E. Shnoll's first lectures at the Department of Biophysics and their evolution in the first few years, making them accessible to physics students. Subsequently, V.I. Poltev worked at the Institute of Biological Physics in Pushchino, and the support of S.E. Shnoll during this period helped the author maintain his interest in the research direction that concerned him. At seminars and Scientific Council meetings, S.E. Shnoll delved into the content of the reports being presented like no one else, capturing their essence and could present others' work and highlight its beauty and interest better than the presenter. V.I. Poltev also recalls L.A. Blumenfeld, a friend of S.E. Shnoll, and the kindness that was a common trait shared by him and S.E. Shnoll.

Keyword: Department of Biophysics, MSU Faculty of Physics, Introduction to biochemistry, L.A. Blumenfeld, Institute of Biological Physics.